

Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь*

Андрей Усачев

¹Московский государственный институт международных отношений;

²Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery

Andrey Usachev

¹Moscow State Institute of International Relations;

²Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

This article considers the first stage of the life of Metropolitan Filipp (lay name Fyodor Stepanovich Kolychev, 1566–1568). The author focuses on the motives and circumstances of his retreat to the Solovetsky monastery. The work calls into question the widespread hypothesis according to which his joining the monastery was closely connected with the repression against the Kolychevs after the suppression of the Staritsky mutiny in 1537. The author demonstrates that, firstly, Stepan Kolychev's family was not persecuted and, secondly, that Fyodor had gone to the Solovetsky Islands before the Staritsky mutiny took place, i. e. in the first half of 1534. By that time, he was a mature twenty-seven-year-old (by the standards of the time). The author comes to conclusion that Fyodor decided to enter the monastery consciously and voluntarily. The reasons for his decision should not be sought in the political sphere but only in the sphere of religious consciousness. By the moment of taking his monastic vows, he had no unrealised political ambitions left. This fact distinguishes him from Vassian (Patrikeev) and Filaret (Romanov), who were forced to take monastic vows and regarded the Church as the sphere where they could realise their ambitions. Fyodor's social skills may have played a very important role in him being elected abbot of the Solovetsky monastery. The monks needed a young and active abbot who would have the skills and experience to manage a large household. At 37–

---

* *Citation*: Usachev, A. (2022). The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674.

Цитирование: Usachev A. The Time and Reasons for Fyodor Kolychev's Retreat to the Solovetsky Monastery // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674 / Усачев А. Время и причины ухода Федора Колычева в Соловецкий монастырь // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 319–334. DOI 10.15826/qr.2022.1.674.

38 years of age, Filipp had business acumen, and not so many monks came from the service class. The election of Filipp contributed to the flourishing of the Solovetsky monastery's patrimony in the 1540s–1560s. The research refers to chronicles, acts, colophons, and the *Life of Metropolitan Filipp*. These historical sources are analysed with the help of source study methods, which make it possible to reconstruct the past from contradictory and fragmentary evidence. The author pays much attention to the analysis of Filipp's *Life* and tries to distinguish valuable facts of his biography from typical hagiographic motifs.

Keywords: monasticism, Russian Church, Metropolitan Filipp, Kolychevs, Staritsky mutiny, Solovetsky monastery, 16th century, service class

Рассматривается первый этап жизни митрополита Филиппа (в миру – Федора Степановича Колычева, 1566–1568). Автор сосредотачивается на изучении мотивов и обстоятельств его ухода в Соловецкий монастырь. В работе оспаривается распространенная в литературе гипотеза о том, что уход Филиппа был напрямую связан с репрессиями против Колычевых после подавления Старицкого мятежа в 1537 г. Показано, что, во-первых, непосредственно семья Степана Колычева репрессиям не подверглась, во-вторых, уход Федора на Соловки состоялся до Старицкого мятежа – в первой половине 1534 г. К этому времени он уже был зрелым по меркам Средневековья 27-летним человеком. Автор приходит к выводу о добровольности и осознанности решения Федора об уходе в монастырь. Устанавливается, что причины этого шага следует искать не в политической сфере, а исключительно в сфере религиозного сознания. К моменту пострига нереализованных политических амбиций у Филиппа не осталось. Это отличало его от Вассиана (Патрикеева) и Филарета (Романова), вынужденно принявших постриг и порой рассматривавших церковную сферу как поле для удовлетворения своего честолюбия. «Социальный капитал», которым располагал Филипп к моменту пострига, мог сыграть важную роль в его избрании в игумены Соловецкого монастыря. Его иноки нуждались в относительно молодом и энергичном настоятеле, который располагал навыками и опытом управления крупным хозяйством. 37–38-летнего Филиппа отличала приобретенная в миру хозяйственная хватка, а иных иноков из среды служилых людей в этой обители в этот период было немного. Избрание Филиппа в игумены во многом предопределило расцвет вотчины Соловецкого монастыря в 1540–1560-е гг. В основу исследования положены летописные и акты источники, записи на книгах, а также Житие митрополита Филиппа. Их изучение ведется с применением методов источниковедческого анализа, позволяющих из отрывочных и порой разноречивых показаний источников воссоздать картину прошлого. Особое внимание уделено анализу текста жития Филиппа, давшего возможность отделить представленные в нем ценные сведения о биографии митрополита от основного текста, написанного с обильным использованием агиографической топики.

Ключевые слова: монашество, Русская церковь, митрополит Филипп, Колычевы, Старицкий мятеж, Соловецкий монастырь, XVI в., служилые люди

Деятельность митрополита Филиппа (Колычева) представляет одну из самых трагических страниц в истории Русской церкви XVI в. В ходе его конфликта с Иваном IV под давлением самодержца Освященный собор осудил и сместил первосвященника с кафедры. Для анализа позиции Филиппа в его споре с царем об опричнине большое значение имеет вопрос о мотивах и времени прихода в церковь выходца из знатного служилого рода, целый ряд представителей которого был казнен русским царем. Поиски ответа на этот, на первый взгляд, частный вопрос существенно расширяют возможности исследователей при изучении важнейшей проблемы в истории церкви – связи между «социальным капиталом», которым располагали ее руководители в миру, и их деятельностью после ухода от него.

Колычевы и русская знать в XVI в.

Происхождение соловецкого игумена, в 1566–1568 гг. занимавшего всероссийскую кафедру, Филиппа (в миру – Федора Степановича Колычева), специально изучил А. А. Зимин, рассмотрев основных представителей рода старомосковской знати, происходившего от боярина XIV в. Андрея Кобылы [Зимин, 1964]. Весьма многочисленные в рассматриваемый период Колычевы располагали владениями в Московском, Переяславском, Дмитровском, Коломенском и других уездах, а также на территории Бежецкой, Вотской, Деревской и Шелонской пятин Новгородской земли.

Измельчавшие к XVI в. Колычевы тем не менее играли заметную роль на военной и административной службе. Ряд Колычевых фиксируется в Тысячной книге 1550 г. и Дворовой тетради середины XVI в. Правда, из многих десятков представителей рода до думного чина дослужились единицы. Окольничими стали Иван Иванович Рудак (вероятно, в 1540 г.), Иван Иванович Умной (1549 г.), Михаил Иванович (1565 г.), Василий Иванович Умной (вскоре после начала опричнины). Лишь Федор Иванович Умной получил боярство (1562 г.; окольничий – с 1557 г.) [Зимин, 1964, с. 66–68].

Служебный статус прочих Колычевых (в том числе отца митрополита Степана) был существенно ниже. Итоги анализа персонального состава Старицкого двора (в нем служил ряд Колычевых, в том числе дядя Федора (Филиппа) Иван Иванович Умной) показали, что «со служебной точки зрения на старицкой службе, кроме князя Ф. Д. Пронского и отчасти князей Волконских, были представлены второстепенные лица, не имевшие опыта разрядных назначений» [Бенцианов, 2012, с. 72]. Если Иван Иванович Умной существенно повысил свой статус за счет перехода на службу в Старицкий удел, то служебное положение оставшихся на государевой службе по Новгороду его старших братьев (в том числе отца будущего иерарха Степана) было заметно ниже. Согласно оценке М. М. Бенцианова, специально занимавшегося персональным составом новгородской служилой корпорации, они «прозябали» «без перспектив карьерного продвижения» [Бенцианов, 2013, с. 24].

Так или иначе Федор происходил из рода, который представлял, по определению А. А. Зимина, «верхний слой класса феодалов» [Зимин, 1964, с. 69]. Соглашаясь с историком, уточним: речь шла о низшей ступени этого слоя. С точки зрения знатности, влияния и имущественного положения Колычевы значительно уступали представителям иных старомосковских родов (Челядниным, Романовым, Шереметевым, Морозовым, Сабуровым и др.), не говоря уже о титулованной знати (кн. Бельских, Мстиславских, Воротыньских, Шуйских, Оболенских, Сицких, Курбских и некоторых других). Большинство их взрослых представителей входило в Думу. Среди достаточно многочисленных Колычевых такой чести удостоились лишь единицы.

Место рождения и проживания до пострига

Отец будущего митрополита Степан, как и его братья, а позднее и сыновья, располагал владениями на территории Новгородской земли (отдельные владения братьев и племянников Степана фиксируются также под Старицей и Торжком) [Зимин, 1964, с. 68–69]. Рассматривая вопрос о наиболее вероятном месте рождения и проживания Федора до пострига, обратим внимание на два обстоятельства.

1. Житие Филиппа (Тулуповская и Колычевская редакции) прямо именует Степана новгородцем [Лобакова, с. 166, 206]. Уже не позднее 1496 г. он располагал владениями на территории Деревской пятины, центром которых являлась деревня Бурмачкино [Лихачев, с. 3]. Именно по Новгороду позднее служили сыновья Степана, младшие братья митрополита – Прокопий, Яков и Борис [Зимин, 1964, с. 68–69].

2. Согласно тексту жития Филиппа, Федор в 1507 г. родился в Москве [Лобакова, с. 149]. Если это действительно так, то Степан с семьей должен был более или менее длительное время проживать в столице – вдалеке от того региона, по которому он служил. Рассматривая такую возможность, обратим внимание на то, что житие сообщает Степану статус, явно несоизмеримый с реальным. В Краткой редакции он, провинциальный помещик средней руки, о службе которого в столице ничего не известно, представлен «препоситом» (то есть «начальником, главой» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 19, с. 25]) при Василии III [Лобакова, с. 149], – лицом, занимающим значимый пост при великом князе. В более поздних редакциях статус Степана существенно повышен. В Тулуповской редакции он «высотой сановною радостнотворно непоколеблемо всюду сияше», «председает в полате царевой» (то есть является членом Боярской думы), в Колычевской – является «сигклитом» [Лобакова, с. 166, 206] (то есть «царским советником, сановником» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 24, с. 152]), по сути, речь также идет о членстве в Боярской думе). Сообщая о службе самого Федора, житие упоминает об особом расположении к нему Ивана IV [Лобакова, с. 149, 168, 208]. Очевидно, что агиограф, желающий прославить подвиг святого, ради служения Богу отказавшегося от весьма высокого статуса в миру, далек от изо-

бражения реального служебного и социального положения отца будущего первосвященника, а также его самого (об этом см. ниже). Также нельзя исключить и того, что книжник, создавая на рубеже XVI–XVII вв. первоначальную редакцию жития, реалии 40–60-х гг. XVI в., когда несколько Колычевых действительно, входя в Думу, проживали в Москве, спроецировал на 1507 г. Это могло быть связано с тем, что агиограф мог опираться на свидетельства очевидцев событий середины – второй половины XVI в., но никак не первой трети этого столетия. Принимая во внимание очевидные новгородские корни Степана, В. А. Колобков счел вероятным рождение Федора на территории Новгородской земли [Колобков, с. 57]. Такой вариант нам кажется более предпочтительным, нежели версия жития.

Независимо от места рождения – это могла быть как Москва, так и, что нам кажется более вероятным, территория Новгородской земли – основную часть первых десятилетий своей жизни, судя по всему, будущий первосвященник провел на территории владений отца. Косвенно на это указывают некоторые особенности новгородской служилой корпорации, к которой точно принадлежали Степан и его младшие сыновья, а также, скорее всего, его старший сын Федор. Ее отличала определенная замкнутость как с точки зрения состава, так и с точки зрения географии службы. Новгородских помещиков, которые в источниках четко отделялись от служилых людей «Московской земли», в этот период (по крайней мере до 1538–1540 гг.) привлекали лишь к боевым действиям, ведущимся на территории Северо-Запада, то есть к войнам против Великого княжества Литовского, Ливонии и Швеции [Бенцианов, 2000, с. 260–266, 269, 271–273]. Для участия в русско-литовской войне 1512–1522 гг. родившийся в 1507 г. Федор был слишком юн. В войне 1534–1537 гг. он, по-видимому, участия не принимал (об этом ниже). Скорее всего, в этот период он вместе с младшими братьями проживал в поместье отца, вероятно, помогая ему в управлении его владениями (возможно, со временем у Федора появилось и свое поместье). Косвенно на это указывает продемонстрированная Федором уже в бытность соловецким игуменом хозяйственная хватка, которая обеспечила расцвет монастырской вотчины именно в годы его правления. Трудно сомневаться в том, что соответствующие навыки он приобрел в миру. Возможность более или менее длительного пребывания в столице или по меньшей мере отдельных визитов в нее возмужавшего Федора также полностью исключать нельзя: согласно тексту жития, на Соловки Федор отправился «от царствующего града Москвы» [Лобакова, с. 149].

Федор Колычев и Старицкий мятеж 1537 г.

Для определения возможных мотивов, побудивших Федора к уходу от мира, принципиальное значение имеют время и обстоятельства его появления на Соловках. Согласно распространенному в литературе мнению, уход Федора в отдаленную обитель Поморья был свя-

зан со сложной внутривосполитической ситуацией в России периода правления Елены Глинской при малолетнем Иване IV. В ходе мятежа удельного князя Старицкого Андрея Ивановича (1537 г.), с которым был связан ряд Колычевых, они подверглись репрессиям. По крайней мере два представителя рода (дальние родственники Степана и его сыновей) – перешедшие на сторону удельного князя новгородские помещики Гаврила Иванов сын Пупков-Колычев и Андрей Владимиров сын Колычев (они состояли на службе великому князю) – были казнены. Находившийся на службе старицкого князя Иван Иванович Умноной Колычев (брат Степана, дядя Федора) был подвергнут торговой казни¹. В этой ситуации уход в монастырь 30-летнего Федора, стремившегося избежать опалы, а, возможно, и казни, кажется вполне логичным². Однако обратим внимание на два обстоятельства.

Первое связано с тем, что прямая связь непосредственно новгородского помещика Степана, а также его сыновей со старицким князем не просматривается. Они явно не вошли в число служилых людей, перешедших на сторону мятежного удельного князя. В противном случае они были бы казнены в числе тех 30 новгородских помещиков, которые пошли на этот шаг. Важно отметить, что в ходе Старицкого мятежа крупных боевых столкновений, которые привели бы к военным потерям сторон, не было³. Все погибшие в 1537 г. стали жертвами репрессий властей после подавления мятежа. Для нас исключительно важно отметить, что с новгородцами поступили намного жестче, нежели со служилыми людьми кн. Андрея Старицкого. Первые изменили великому князю (они служили непосредственно ему), последние выступили против него в составе двора своего сюзерена (за их действия ответственность нес он). Иными словами, первые нарушили клятву верности великому князю, вторые – нет. Именно поэтому за первых даже не пыталось просить высшее духовенство – неизменный заступник осужденных в эпоху русского Средневековья.

А вот от казни действовавших по указанию своего государя служилых людей старицкого двора митрополит Даниил «отпросил» власти [Кром, 2010, с. 218]. В итоге 30 новгородцев были казнены, а наиболее заметные члены старицкого двора были подвергнуты

---

¹ Подробнее об участии Колычевых в Старицком мятеже 1537 г. и его последствиях для ряда представителей данного рода см.: [Веселовский, с. 144–145; Зимин, 1964, с. 60, 65, 67; Зимин, 2001, с. 148; Скрынников, с. 323–324; Кром, 2010, с. 206, 211, 218; Бенцианов, 2012, с. 73, 76].

² О связи ухода Федора на Соловки со Старицким мятежом 1537 г. см.: [Зимин, 2001, с. 148; Скрынников, с. 324; Колобков, с. 101–103; Бенцианов, 2000, с. 267].

³ Как отмечает М. М. Кром, кн. Андрей Старицкий «собственно боевых действий не вел, опасаясь, видимо, перейти последнюю черту, за которой начиналась уже «междоусобная брань» [Кром, 2010, с. 210]. Единственное крупное военное столкновение, произошедшее при встрече войск удельного князя и московского правительства в окрестностях Новгорода, обошлось без жертв. Новгородский летописец с удовлетворением отметил, что «была сставка людемъ с обе половины, а падения людемъ смертнаго не было Божию милостию» [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 616].

лишь торговой казни. Уже в 1538 г. они были отпущены на свободу и спустя несколько лет получили значимые служебные назначения. Видный член Думы старицкого князя, на протяжении ряда лет являвшийся дворецким, Иван Иванович Умной в 1542 г. принимал участие в приеме литовских послов, а в 1549 г. получил думный чин окольничего [Зимин, 1964, с. 67]. В 1537 г. командовавший сторожевым полком кн. Андрея Старицкого И. Б. Хлызнев-Колычев уже в 1541 г. фиксируется в роли воеводы крупного пограничного города Чернигова [Усачев, 2018, т. 1, с. 85–86]. Были восстановлены на службе и некоторые другие лица [Бенцианов, 2013, с. 18].

В свете сказанного выше трудно сомневаться в том, что, если бы состоявшие на службе у великого князя Степан и его сыновья примкнули к кн. Андрею Старицкому, они оказались бы в числе 30 казенных новгородских помещиков. Более мягко лиц, изменивших непосредственно великому князю, в 1537 г. не наказывали. Косвенно на то, что в этот период Степан и его ближайшие родственники (за исключением, конечно, служившего старицкому князю Ивану Ивановичу Умному) продемонстрировали как минимум лояльность по отношению к великому князю, указывает карьерный взлет Ивана Рудака (брата Степана). Как уже отмечалось выше, он стал окольничим, по-видимому, уже в 1540 г., то есть через три года после подавления Старицкого мятежа.

Вторым – безусловно, главным – обстоятельством, которое следует иметь в виду, определяя время и вероятные причины ухода Филиппа в Соловецкий монастырь, является время его поставления в игумены. Не сообщая точной даты, житие отмечает, что до пострига он провел на Соловках полтора года, затем принял постриг и, уже имея за плечами 9-летний иноческий «стаж», по просьбе прежнего игумена Алексея (Юренева) и братии возглавил монастырь (позднее он на некоторое время покинул игуменство, и игуменом вновь стал Алексей). Это произошло при новгородском архиепископе Феодосии (1542–1551) [Лобакова, с. 149–150]. Как видим, к моменту поставления в игумены на Соловках он проживал примерно десять с половиной лет. Когда именно он стал игуменом?

Обратимся к выходной записи на Псалтири, работа над которой была закончена на Соловках в сентябре 1545 г. Данный источник известен исследователям, занимающимся Соловецким монастырем [Юренив, с. 26; Кукушкина, с. 83; Крушельницкая, Тутова, с. 19; Шевченко, с. 281–282], но игнорировался специалистами по политической истории. Запись сообщает о том, что «игумен Филипп Колычев игуменство оставил, а Алексеи Юренив на игуменьство» вернулся [Усачев, 2018, т. 2, № 323]. Согласно записям на двух иконах, в 1544/45 г. Филипп еще был игуменом [Макарий (Веретенников), с. 42]. Алексей (Юренив) первый раз являлся соловецким игуменом со времени не позднее 1534 г. Последнее упоминание Алексея в роли настоятеля (в первый период руководства монастырем) относится к 15 февраля 1543 г. [Акты, с. 40, № 52]. Как прямо следует из данного источника,

не позднее сентября 1545 г. Алексей вновь возглавил обитель; вторично ее игуменом Филипп стал между 4 и 13 июля 1546 г.⁴

Согласно Тулуповской редакции жития Филиппа, вторичное игуменство Алексея продлилось полтора года [Лобакова, с. 175]. Если это действительно так, то первый период руководства обителью у Филиппа закончился примерно в первой половине января 1545 г. Начался он между 15 февраля 1543 г.⁵ и, соответственно, первой половиной января 1545 г. Значит, учитывая то, что до игуменства на Соловках Филипп прожил десять с половиной лет, прибыл он между августом 1532 и июлем 1535 г. Принимая во внимание то, что все редакции жития относят уход Филиппа на Соловки ко времени после кончины Василия III (ум. 4 декабря 1533 г.) [Там же, с. 149], временной интервал можно сузить: уход на Соловки имел место между концом 1533 и июлем 1535 г. Впрочем, житие сообщает о том, что Федор некоторое время – после ухода из Москвы до прихода на Соловки – проживал в окрестностях Онежского озера, где пас овец одного из местных крестьян [Там же, с. 149]. Учитывая время пути и некоторого проживания в окрестностях Онежского озера, допустимо думать, что уход состоялся несколько ранее – на несколько недель или даже месяцев. Нельзя исключить и того, что задержка в пути на Соловки могла быть связана с ожиданием наступления времени года (как правило, начала лета – начала осени), когда навигация по Белому морю становилась возможной. Если это действительно так, то Федор мог отправиться на Соловки зимой-весной 1534 или 1535 г. Если допустить историчность рассказа жития о том, что Федор в окрестностях Онежского озера пас овец (ожидая наступления периода навигации по Белому морю?), то его приход в Поморье можно отнести ко второй половине весны. В каком году это произошло – в 1534 или в 1535?

Зима – весна 1534 г. как время ухода Федора на Соловки нам представляется более предпочтительным вариантом по двум причинам. Первая – начало в августе 1534 г. очередной русско-литовской (так называемой Стародубской) войны, которая продлилась до февраля 1537 г. Трудно поверить в то, что потомственный служилый человек покинул бы службу в самый разгар войны, в которую были активно вовлечены его служебная корпорация и непосредственно его многочисленные родственники. Так, известно, что уже осенью 1534 г. русская армия, основу которой составляла «новгородская сила и псковская», совершила поход на Полоцк и Витебск. Новгородское войско приняло участие и в походах на Литву декабря 1534 – февраля 1535 г. и лета 1535 г. [Кром, 2008, с. 48–49, 51–56, 65–66]. Колычевы (в том числе новгородские помещики) в боевых действиях против Великого княжества

⁴ Под 4 июля в качестве соловецкого игумена фигурирует Алексей, под 13 июля – уже Филипп [Акты, с. 73–74, № 118–119]. О смене игуменов в Соловецком монастыре в этот период см.: [Шевченко, с. 280–282].

⁵ Об ошибке в дате грамоты, упоминающей Филиппа в роли соловецкого игумена под 1537 г., см.: [Акты, с. 74–75, № 120; Шевченко, с. 282].

Литовского в первой трети XVI в. принимали самое активное участие. Пятеро из них – Андрей Семенович, Иван Семенович Пупок, Владимир (по-видимому, Семенович)⁶, а также братья Петр и Григорий Григорьевичи (вероятно, Лошаковы [Зимин, 1964, с. 62, табл. 3]) – в ходе этих войн оказалось в литовском плену (первые трое – в ходе битвы на Орше 1514 г., последние двое – во время Стародубской войны) [Кром, 2008, с. 116–117]. Часть из них – Андрей и Иван Семеновичи и, возможно, Владимир Семенович (двоюродные братья Степана) – представляли новгородскую служилую корпорацию [Зимин, 1964, с. 57–58].

Вторым обстоятельством, которое указывает, пусть и косвенно, на 1534 г., могла стать кончина Василия III. Ему скорее всего в свое время присягал и служил Федор. На момент его смерти будущий первосвященник (р. 11 февраля 1507 г.) находился уже в весьма зрелом по меркам Средневековья возрасте. В конце 1533 г. ему было без малого 27 лет. К этому времени отец Федора Степан, служивший по крайней мере с 1496 г., находился в очень преклонном возрасте. Ему было не менее 52 лет (поместье он не получил бы ранее 15 лет), и русским государям он служил уже не менее 37 лет⁷. Учитывая возраст Степана, а также Федора, можно полагать, что к 1533 г. младшие братья будущего митрополита уже выросли и, соответственно, не нуждались в опеке старшего брата. Кончина великого князя существенно облегчила формально-юридическую сторону его ухода в монастырь: государь, которому он служил, скончался. Служба Федора сыну Василия III, о которой сообщает житие, более чем сомнительна. Итоги анализа соответствующего рассказа, мало связанного с реалиями 1530-х гг., демонстрируют желание агиографа, следующего житийному канону, подчеркнуть достоинства святого. Согласно житию, Иван IV «возлюбил» Федора задолго до возведения на митрополию, что подчеркивало закономерность поставления на нее Филиппа многие годы спустя⁸. Учитывая отсутствие упоминаний о семье непосредственно у 27-летнего Федора (явный признак тяготения к церков-

---

⁶ Согласно А. А. Зимину, у Семена Андреевича мог быть сын Владимир [Зимин, 1964, с. 58, прим. 21].

⁷ О времени наступления старости и связанной с ней «немощи» у представителей церковной и политической элиты в России в эпоху Средневековья см.: [Усачев, 2014].

⁸ Упоминание жития об особой «любви» 3-летнего Ивана IV по отношению к 27-летнему служилому человеку [Лобакова, с. 149] стоит рассматривать в контексте следования его автором агиографической традиции, ориентирующей писателя на возвышение прославляемого святого. Во всяком случае, ничем иным, кроме, конечно, пристрастия книжника к литературному канону, нельзя объяснить определение 27-летнего (!) мужчины эпохи Средневековья Федора как «отрока» применительно к самому началу правления Ивана IV (Краткая редакция; в Тулуповской редакции Федор в это время «юноша»). Стремление следовать канону ощущается и во фрагменте относительно поздних Тулуповской и Колычевской редакций, повествующем о принятии решения об уходе от мира ровно в 30-летнем (!) возрасте [Лобакова, с. 168, 208]. Трудно сомневаться в том, что в тексте источника указан прописанный канонами возраст духовной зрелости. Игнорирование особенностей агиографической манеры повествования порой приводит к буквальному следованию тексту источника. Например, В. А. Колобков, определяя время ухода Федора на Соловки, исходил из указанного поздними редакциями жития 30-летнего возраста Филиппа [Колобков, с. 101–102].

ной карьеры), можно думать, что после смерти Василия III иных социальных обязательств перед «миром» у него не было. Место пострижения Федора – отдаленный монастырь Русского Севера, с которым Колычевы, судя по актам и вкладной книге Соловецкого монастыря, ранее никогда не были связаны, – свидетельствует о том, что будущий первосвятитель действительно стремился к уходу от «мира». Находящаяся на глухой окраине страны обитель, основную часть года оторванная от внешнего мира⁹, для этого подходила в гораздо большей степени, нежели многие десятки обителей Новгорода и его округи.

«Социальный капитал» и церковная карьера

Судя по всему, внутри монастырских стен Филипп прошел вполне обычный путь от монастырского трудника и инока до настоятеля, занявший у него около десяти с половиной лет. Игуменом Филипп стал примерно в 37–38-летнем возрасте. Существенно меньший иноческий «стаж» и возраст игумена противоречат едва ли не всему, что нам известно об истории управления Русской церковью рассматриваемого периода¹⁰. Конечно, отдельные исключения из этого правила были (самое известное – Даниил, относительно рано ставший игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, а спустя несколько лет и митрополитом), но для них требовались особые условия (в случае с Даниилом – воля великого князя Василия III). Ничего подобного мы не наблюдаем у Филиппа: очевидно, что в этот период связями при дворе он не располагал, экономические возможности семьи были ограничены, а о покровительстве значимых иерархов церкви источники ничего не сообщают.

Если что-то и выделяло Филиппа среди подавляющего большинства прочих соловецких иноков, так это обусловленная происхождением и жизнью в миру его хозяйственная хватка. В рассматриваемый период именно выходцы из среды служилых людей «по отчеству» (как правило, мелких и средних), в миру имевшие опыт – порой немалый – управления земельными владениями, составляли основу монастырской администрации. Они чаще лиц иного статуса становились соборными старцами, келарями, казначеями, строителями, и заметно реже – настоятелями, играя важную (возможно, определяющую) роль в хозяйственной жизни обителей¹¹. Полученный ими в миру «админи-

---

⁹ На оторванность Соловецкого монастыря от внешнего мира, в частности, указывает то, что в период отсутствия навигации – с сентября по май – даже известия о важнейших событиях на Соловки поступали далеко не всегда. Так, например, работавший на Соловках в феврале 1587 г. писец, упоминающий в выходной записи митрополита Дионисия, не знает ни о его смещении с всероссийской кафедры в октябре 1586 г., ни о поставлении на нее в декабре того же года Иова [Усачев, 2018, т. 2, № 599].

¹⁰ О продолжительности иноческого «стажа», а также о возрасте, в котором, как правило, в XV–XVI вв. становились игуменами и архиереями, см.: [Усачев, 2017, с. 106–109].

¹¹ Например, из среды служилых землевладельцев происходило около 36 % от общего числа соборных старцев Иосифо-Волоколамского монастыря (в отдельные периоды их доля доходила почти до 80 %) [Dykstra, p. 133–134].

стративный» опыт в монастырях, порой располагавших крупными земельными владениями, был востребован¹². Скорее всего, именно «деловые» качества стали весомым или даже определяющим аргументом в пользу избрания в преемники Алексею (Юрневу) – кстати, выходцу из той же социальной среды¹³ – именно Филиппа¹⁴. Во всяком случае, о каких-либо его иных выдающихся качествах (кроме, конечно, благочестия) источники ничего не сообщают¹⁵. Лица, располагавшие в миру таким статусом и обусловленными им социальным опытом и связями¹⁶, как Филипп, на Соловках в эти годы были редкостью. Это объяснялось спецификой состава братии Соловецкого монастыря¹⁷. В первой трети XVI в. эта далеко не самая значимая обитель еще не притягивала к себе заметного числа лиц соответствующего статуса в миру¹⁸. Социальным «магнитом» для служилых людей «по отечеству» различного статуса являлись иные обители (Владимирский Рождественский, Троице-Сергиев, Симонов, Новоспасский, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский и другие монастыри). Судя по прозвищам соловецких старцев (Корелянин, Сумлянин, Палеостровский, Двиня-

¹² К числу выходцев из соответствующего социального слоя, игравших важную роль в управлении монастырями, можно отнести троицких келарей Симона (Шубина), Дорофея (Курцева), Адриана (Ангелова) и Евстафия (Головкина), келаря Иосифо-Волоколамского монастыря Филофея (Полева), старцев той же обители Кассиана Босого, Герасима и Тихона (Ленковых), Мисаила (Безнина), старцев Кирилло-Белозерского монастыря Иону (Мотякина), Зиновия (Булгакова) и Елевферия (Братцова), строителя костромского Ипатьева монастыря Гурия (Ступишина) и многих других.

¹³ Алексей, судя по всему, принадлежал к служилому роду Юрневых [Юрнев, с. 16–28]. Возможно, не являлись простой случайностью служебные назначения отдельных Юрневых на Соловки. Так, в 1591 г. монастырь описывал Семен Юрнев [Описание грамот, № 8447/6].

¹⁴ Отметим, что с точки зрения монастырской практики эпохи русского Средневековья выбор Филиппа в настоятели был неочевиден. Хотя его возраст на момент поставления в игумены – 37–38 лет – не являлся слишком ранним, иноческий «стаж» был не так велик. Он составлял девять лет. С одной стороны, это не так мало. С другой, руководителями церкви в рассматриваемый период чаще всего становились лица, за плечами которых было полтора-два десятилетия жизни в обителях и более [Усачев, 2017, с. 106–109].

¹⁵ Краткая редакция жития, сообщая о жизни Филиппа на Соловках, внимание читателя сосредоточивает на его деятельности, направленной на обустройство монастыря и строительство каменных храмов [Лобакова, с. 149–150]. О причастности Филиппа – автора нескольких посланий по преимуществу хозяйственного содержания – к истории книжной культуры ничего не известно.

¹⁶ Они также могли приниматься во внимание. Выходец из достаточно многочисленного рода служилых людей средней руки, длительное время сам принадлежавший к этой страте, мог гораздо лучше, нежели выходцы из иных социальных слоев, находить общий язык с представителями светской администрации Новгородской земли (со многими он мог быть знаком лично до пострига), решая важные для монастыря вопросы. Подробнее о знатном происхождении игуменов (как правило, основателей) монастырей XIV–XVI вв. как факторе, способствовавшем их хозяйственному процветанию, см.: [Романенко, с. 29–33].

¹⁷ О персональном составе иноков и вкладчиков Соловецкого монастыря в XVI в. см.: [Крушельницкая, Тутова; Spock].

¹⁸ О незначительности числа и размера вкладов представителей знати в Соловецкий монастырь в первой половине XVI в. см., например: [Spock, S. 540, 546].

нин, «Важенин», Турчасовец, Устюжанин и др.), среди них преобладали лица более низкого статуса, проживавшие по преимуществу в ближней и дальней округе соловецкой обители¹⁹. Если выбор соловецких иноков действительно обуславливался деловыми качествами Филиппа, то они не ошиблись: именно на время его игуменства приходится наиболее интенсивный рост монастырского хозяйства [Савич].

Как видим, уход Федора на Соловки был добровольным. Судя по всему, речь шла о вполне осознанном выборе, причины которого следует усматривать не в политической ситуации 1530-х гг., а в сфере религиозного сознания. Социальные и политические амбиции у Федора либо отсутствовали, либо к моменту пострига были уже удовлетворены. Это и отличает его от некоторых иных, правда, не слишком многочисленных деятелей Русской церкви эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени знатного происхождения. В отличие от Филиппа, некоторые из них постриг приняли вынужденно, под давлением исключительно неблагоприятно сложившихся для них обстоятельств, стремясь сохранить себе жизнь. Их политические амбиции к моменту ухода от мира еще не были реализованы в полной мере, и в силу этого ареной их удовлетворения неизбежно стала церковная сфера. Спасая свою жизнь, в 1499 г. вынужденно принял постриг один из первых бояр в Думе Ивана III кн. Василий Иванович Патрикеев (в иночестве – Вассиан). Даже будучи духовным лицом, «великий временный человек» Василия III (Вассиан его знал с детства) продолжал презрительно относиться к стоящим на иной ступени социальной лестницы «сельским мужикам», возглавлявшим значимые русские обители. Как минимум не скрывал своего происхождения ростовский архиепископ Иоасаф (в миру – кн. Оболенский), упоминаемый в источниках как «князь (!) Асаф». Явно несовместимо с духовным саном вел себя Филарет (в миру – Федор Никитич Романов). В ходе опалы на Романовых при Борисе Годунове в 1601 г. он вынужденно принял постриг, а затем, умело используя приобретенный в миру политический опыт, за короткое время сделал блестящую церковную карьеру, возглавив сначала ростовскую, а затем и всероссийскую кафедру. Однако и этого честолюбивому потомку Андрея Кобылы оказалось мало: он фактически возглавил русское правительство в период царствования своего сына Михаила (в источниках официального происхождения наряду со своим сыном Филарет именовался «великим государем»!).

Однако так вели себя далеко не все иерархи знатного происхождения. Самого знатного архиерея XVI в. – тверского епископа Вассиана (в миру – кн. Василия Ивановича Стригина-Оболенского, сына лучшего полководца эпохи Феодалной войны боярина Ивана Стриги) – не отличало поведение, несовместимое с его саном. Еще один

---

¹⁹ Согласно подсчетам Дж. Спок, они составляли около 75 % от общего числа иноков [Spock, S. 535].

Рюрикович на кафедре – суздальский, затем полоцкий владыка Афанасий (в миру – кн. Палецкий) – своим поведением также не демонстрировал свою связь с политической элитой. Судя по всему, в этом ряду иерархов церкви стоял и Филипп, амбиции которого лежали исключительно в церковной сфере. Именно этим, а не защитой своих «классовых» интересов, по-видимому, и определялась его позиция по отношению к репрессиям Ивана IV эпохи опричнины.

* * *

Итак, судя по всему, Федор удалился на Соловки в 27-летнем возрасте в первой половине 1534 г. Спустя десять с половиной лет в возрасте 37–38 лет в первый раз он возглавил обитель. Во второй раз игуменом Филипп стал полтора года спустя, когда ему было 39 лет (первая половина июля 1546 г.). Какая-либо связь его ухода от мира с реальными или ожидаемыми репрессиями против Колычевых не просматривается. Старший сын служилого человека средней руки, происходящий из древнего рода старомосковской знати, имел все основания надеяться на вполне успешную карьеру на службе русскому государю и – при особой благосклонности Фортуны – со временем даже на получение думного чина (это удалось отдельным родичам Федора в 1540–1560-е гг.). Он избрал иной путь. Речь шла об осознанном выборе зрелого человека, причины которого следует искать не в социально-политической области, а в сфере религиозного сознания.

Список литературы

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVII в. : Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571. Л. : Наука, 1988. 273 с.

Бенцианов М. М. Дети боярские «наугородские помещики» : Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2000. С. 241–277.

Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (начало) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.

Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. (окончание) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 17–26.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М. : Наука, 1969. 582 с.

Зимин А. А. Колычевы и русское боярство в XIV–XVI вв. // Археогр. ежег. за 1963 г. М. : Наука, 1964. С. 55–71.

Зимин А. А. Опричнина. М. : Территория, 2001. 447 с.

Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб. : Алетей, 2004. 639 с.

Кром М. М. Стародубская война. 1534–1537: из истории русско-литовских отношений. М. : Рубежи XXI, 2008. 139 с.

Кром М. М. «Вдовствующее царство» : Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 887 с.

Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря XVI в. по упоминаниям в грамотах ризничной коллекции и другим документам // Книжные центры Древней Руси : Соловецкий монастырь. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. С. 3–145.

- Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера XVI–XVII вв. : Очерки по истории книжной культуры. Л. : Наука, 1977. 223 с.
- Лихачев Н. П. Родство Кольчевых с новгородцами. СПб. : Рус. генеал. о-во, 1900. 4 с.
- Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа : исслед. и тексты. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 306 с.
- Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа // Искусство христианского мира. М. : Изд-во Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-та, 1998. Вып. 2. С. 42–48.
- Описание грамот Коллегии экономии : [в 3 т.] / подг. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2018. Т. 2. 1394 с.
- ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1929. 686 с.
- Романенко Е. В. Основатели монастырей на Руси: их социальный и образовательный статус (XIV–XVII вв.) // Монастырская культура как трансконфессиональный феномен. М. : РОССПЭН, 2020. С. 26–41.
- Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII веков : Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь : Изд. О-ва ист., филос. и соц. наук при Перм. гос. ун-те, 1927. 280 с.
- Скрынников П. Г. Царство террора. СПб. : Наука, 1992. 571 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975–. Вып. 19. 272 с. Вып. 24. 254 с.
- Усачев А. С. «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68.
- Усачев А. С. Почему закончилась «волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Рос. история. 2017. № 5. С. 97–113.
- Усачев А. С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей : [в 2 т.]. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2018. Т. 1. 472 с. Т. 2. 528 с.
- Шевченко Е. Э. Из истории книжных связей Белозерья и Соловков (Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри, Нило-Сорский и Анзерский скиты) // Очерки феодальной России. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2007. Вып. 11. С. 274–290.
- Юрнев Г. Н. Род Юрневых: генеалогическая роспись с XIV по XX столетие : историко-биографические сведения по архивным документам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 454 с.
- Dykstra T. E. Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607. München : Verlag Otto Sagner, 2006. 264 p.
- Spock J. B. Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55. H. 4. S. 534–565.

References

- Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severa Rossii kontsa XV – XVII v. Akty Solovetskogo monastyrya. 1479–1571* [Acts of the Socio-Economic History of the North of Russia in the Late 15th–16th Centuries. Acts of the Solovetsky Monastery. 1479–1571]. (1988). Leningrad, Nauka. 273 p.
- Antonov, A. V. (Ed.). (2018). *Opisanie gramot Kollegii ekonomii v 3 t.* [A Description of Charters of the Department of Economy. 3 Vols.]. Moscow, Drevlekhranilishche. Vol. 2. 1394 p.
- Bentsianov, M. M. (2000). Deti boyarskie “naugorodskie pomeschchiki”. Novgorodskaya sluzhilaya korporatsiya v kontse XV – seredine XVI v. [Boyar Children, “Landowners of Novgorod”. The Novgorod Service Corporation in the Late 15th – Mid-16th Centuries]. In *Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 241–277.
- Bentsianov, M. M. (2012). Dvor knyazya Andrey Staritskogo i problema “Staritskogo myatezha” 1537 g. (nachalo) [The Court of Prince Andrey Staritsky and the Problem of the Staritsky Mutiny of 1537 (the Beginning)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 4 (50), pp. 64–76.

Bentsianov, M. M. (2013). Dvor knyazya Andrey Staritskogo i problema “Staritskogo myatezha” 1537 g. (okonchanie) [The Court of Prince Andrey Staritsky and the Problem of the Staritsky Mutiny of 1537 (the Ending)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (51), pp. 17–26.

Dykstra, T. E. (2006). *Russian Monastic Culture: “Josephism” and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607*. München, Verlag Otto Sagner. 264 p.

Kolobkov, V. A. (2004). *Mitropolit Filipp i stanovlenie moskovskogo samodержaviya. Oprichnina Ivana Groznogo* [Metropolitan Filipp and the Formation of Moscow Autocracy. The Oprichnina of Ivan the Terrible]. St Petersburg, Aleteiya. 639 p.

Krom, M. M. (2008). *Starodubskaya voina. 1534–1537: iz istorii rusko-litovskikh otnoshenii* [The Starodub War. 1534–1537: From the History of Russo-Lithuanian Relations]. Moscow, Rubezhi XXI. 139 p.

Krom, M. M. (2010). “Vdovstvuyushchee tsarstvo”. *Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“A Widow Tsardom”. Political Crisis in the Russia of the 1530s–1540s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 887 p.

Krushel'nitskaya, E. V., Tutova, T. A. (2001). Startsy Solovetskogo monastyrya XVI v. po upominaniyam v gramotakh raznichnoi kollektzii i drugim dokumentam [Monks of the Solovetsky Monastery of the 16th Century According to References in the Charters of the Sacristy Collection and Other Documents]. In *Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, pp. 3–145.

Kukushkina, M. V. (1977). *Monastyrskie biblioteki Russkogo Severa XVI–XVII vv. Ocherki po istorii knizhnoi kul'tury* [Monastic Libraries of the Russian North of the 16th–17th Centuries. Essays on the History of Book Culture]. Leningrad, Nauka. 223 p.

Likhachev, N. P. (1900). *Rodstvo Kolychevykh s novgorodtsami* [The Kinship of the Kolychevs with the Novgorodians]. St Petersburg, Russkoe genealogicheskoe obshchestvo. 4 p.

Lobakova, I. A. (2006). *Zhittie mitropolita Filippa. Issledovanie i teksty* [The Life of Metropolitan Filipp. Research and Texts]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 306 p.

Makar'ii (Veretennikov). (1998). Ikony svyatitelya Filippa [Icons of Metropolitan Filipp]. In *Iskusstvo khristianskogo mira*. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. Iss. 2, pp. 42–48.

PSRL [The Complete Collection of Russian Chronicles]. (1929). Vol. 4. Part 1. Iss. 3. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 686 p.

Romanenko, E. V. (2020). Osnovateli monastyrei na Rusi: ikh sotsial'nyi i obrazovatel'nyi status (XIV–XVII vv.) [The Founders of Monasteries in Russia: Their Social and Educational Status (14th–17th Centuries)]. In *Monastyrskaya kul'tura kak transkonfessional'nyi fenomen*. Moscow, ROSSPEN, pp. 26–41.

Savich, A. A. (1927). *Solovetskaya votchina XV–XVII vekov. Opyt izucheniya khozyaistva i sotsial'nykh otnoshenii na krainem Russkom Severe v Drevnei Rusi* [The Solovetsky Patrimony of the 15th–17th Centuries. Experience of Studying the Economy and Social Relations in the Far Russian North in Old Russia]. Perm, Izdanie Obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsial'nykh nauk pri Permskom gosudarstvennom universitete. 280 p.

Shevchenko, E. E. (2007). Iz istorii knizhnykh svyazei Belozer'ya i Solovkov (Kirillo-Belozerskii i Solovetskii monastyri, Nilo-Sorskii i Anzerskii skity) [From the History of Book Relations between Belozerye and the Solovetsky Islands (Kirillo-Belozersky and Solovetsky Monasteries, Nilo-Sorsky, and Anzer Skeets)]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Iss. 11, pp. 274–290.

Skrynnikov, R. G. (1992). *Tsarstvo terrora* [The Reign of Terror]. St Petersburg, Nauka. 571 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. (1975–). Moscow, Nauka. Iss. 19. 272 p. Iss. 24. 254 p.

Spock, J. B. (2007). Community Building and Social Identity: Donations to the Solovki Monastery 1460–1645. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Bd. 55. H. 4, S. 534–565.

Usachev, A. S. (2014). “Starost' glubokaya” v XIV–XVI vv.: demograficheskie realii i ikh vospriyatие sovremennikami (na materiale pis'mennykh istochnikov) [“Extreme Old

Age” in the 14th–16th Centuries: Contemporary Perception of Demographics (Based on the Written Sources)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. No. 1 (55), pp. 58–68.

Usachev, A. S. (2017). Pochemu zakonchilas' "volokolamskaya gegemoniya" v Russkoi tserkvi XVI v.? [Why Did the “Volokolam Hegemony” End in the Russian Church of the 16th Century?]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 97–113.

Usachev, A. S. (2018). *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei v 2 t.* [Writing Books in Russia in the 16th Century: With Reference to Dated Colophons]. Moscow, St Petersburg, Al'yans-Arkheo. Vol. 1. 472 p. Vol. 2. 528 p.

Veselovskii, S. B. (1969). *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Research on the History of the Class of Service Landowners]. Moscow, Nauka. 582 p.

Yurenev, G. N. (1903). *Rod Yurenevyykh: genealogicheskaya rospis's XIV po XX stoletie: istoriko-biograficheskie svedeniya po arkhivnym dokumentam* [The Yurenev Family: Genealogical List from the 14th to the 20th Century: Historical and Biographical Information on Archival Documents]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 454 p.

Zimin, A. A. (1964). Kolychevy i russkoe boyarstvo v XIV–XVI vv. [The Kolychevs and the Russian Boyars in the 15th–16th Centuries]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1963 g.* Moscow, Nauka, pp. 55–71.

Zimin, A. A. (2001). *Oprichnina* [The Oprichnina]. Moscow, Territoriya. 447 p.

The article was submitted on 09.02.2021